

ЕВДОКИЯ ТУРОВА КЕРЖАКИ

Евдокия Турова

Кержаки (сборник)

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=9746204

Евдокия Турова. Кержаки. Проза: Маматов; Санкт-Петербург; 2007

ISBN 5-91076-002-5

Аннотация

Тема книги редкая и особая. Книгу составляют прозаические произведения и исторические сведения о крестьянах-староверах, называемых кержаками, а также размышления и жизненные наблюдения автора за их бытом и семейным укладом. Интересна и часть книги «Семейный альбом», в котором представлены старинные фото семей кержаков и современные снимки их потомков. Автор сердечно благодарит тех, кто делился с ней своими воспоминаниями, кто предоставил фотографии своих предков, бережно хранимые в семьях уже целый век. Особая признательность и благодарность Михаилу Леонидовичу Пищальникову, который организовал и финансировал издание этой книги.

Содержание

От автора	6
Сроки, отведенные историей	14
Великий раскол и кержаки	14
Кержацкий характер. Мнения и суждения	24
Пермская изба – вятская – новгородская	34
Всеми голова	38
Пернатая корова, или Курица не птица	45
Конец ознакомительного фрагмента.	46

Евдокия Турова

Кержаки (сборник)

© Е. Турова (В. И. Овчинникова). Текст,
иллюстрации. 2007

© ООО «Маматов». 2007

* * *

Книгу, которую вы, дорогие читатели, держите в руках, написала Валентина Ивановна Овчинникова. Она физик по образованию, кандидат технических наук. Детство ее прошло в кержацкой деревне в доме дедушки Г. Ф. Турова, староверческого начетчика. Бережно воспроизводит она в своих рассказах детали быта крестьян-староверов, их привычки, характер, образ жизни и мелодику речи деревенских жителей. Можно «жизнь делать» с некоторых героев, настолько они основательны, умны, так высока их культура. Почти все герои не вымышлены, они носят те же имена и фамилии, от рассказа к рассказу можно проследить судьбу некоторых семей до четвертого колена.

Автор приглашает полюбоваться лицами людей на старых и новых фотографиях, по-доброму представляет в «Семейном альбоме» снимки предков и потомков кержаков, своих родственников и тех, с кем она познакомилась при работе

над своими произведениями. Прекрасные лица молодых людей на современных фото хранят родовые черты. Сквозь всю книгу проходит не только нота печали, что жизнь и суровые годы революции, Гражданской войны, коллективизации и репрессий разметали по свету кержацкие семьи и их потомков. В рассказах звучит надежда на будущее.

От автора

Тема этой книги предельно узкая, даже географически. Мои герои – кержаки, крестьяне-староверы, которые жили в Оханском уезде Пермской губернии. Это территория в западной части нынешнего Пермского края: от Камы на востоке до границы с Удмуртией и Кировской областью (бывшая Вятская губерния) на западе. Границы, однако, достаточно условны. Оханский уезд можно считать частью Вятской земли. А за Урал кержацкая диаспора расплескалась по всей Сибири.

Мой интерес к этим людям объясняется тем, что предки по линии отца и (более отчетливо) по линии мамы (Туровы) были оханскими староверами. Мое раннее детство прошло в кержацкой деревне, в доме деда Григория Филипповича Турова, тетки Ксеньи Григорьевны. Нянькой была «баушка» Федотовна. Я хорошо знаю деревенский говор, весь уклад крестьянской жизни.

Но тема только на первый взгляд кажется узкой. Прикосновение к ней буквально открыло для меня историю Прикамья, Вятку и Новгород Великий. Я была настолько поражена историческим масштабом, что возникла потребность поделиться узнанным с читателями. Так началась работа над книгой.

Чаще всего можно услышать или прочитать, что кержа-

ки – выходцы с речки Керженец в Нижегородской губернии. Однако там староверов издавна называли калугурами. А вот оханские староверы всегда считали себя именно кержаками, хотя происхождение они имели вовсе не нижегородское, а вятское. Да и кержаки Сибири, как утверждают сибирские этнографы, являются выходцами из Пермской и Вятской губерний.

Для меня очень важно то, что мама мне когда-то сказала: «Мы – кержаки!» С тем и живу. И потому псевдоним себе выбрала – имя и фамилию моей мамы Евдокии Туровой.

О расколе, породившем явление старообрядчества, написано очень много. И если бы я могла где-то прочитать то, что меня интересовало, я бы писать не стала. Однако про оханских предков-староверов от мамы я слышала одно (да и сама кое-что помнила), а читала совершенно другое.

Трудно мне судить, насколько скажу по-новому, но что по-своему – это точно. Да, о староверах писали исследователи, есть и художественные произведения. Но, во-первых, это был взгляд извне, в отличие от моего. А старообрядческое сообщество предельно закрытое, староверы всегда относились к чужим недружелюбно, знания чужим передавать было запрещено. Вот и приходилось пишущим о них людям обходиться по большей части выдумками. Во-вторых, старообрядческая тема зачастую сводилась к изучению распрей раскольников с Русской православной церковью. Но самая главная нелепость в том, что раскольники-де в Пермскую гу-

бернию прибежали из Москвы и местное население сагитировали в раскол.

Скажите, можно ли агитацией повернуть реку в другую сторону? Или гору сдвинуть? Тот, кто видел натуральных кержаков вживе-въяве, понимает, что никакой агитатор не смог бы создать их детально регламентированный крестьянский образ жизни. Уверена, что не «коноводы раскола» сделали мужиков такими – напротив, раскол приобрел свои широко известные черты потому, что таковы были они, кержаки наши упертые.

Свои рассказы о кержаках я не считаю броским рыночным продуктом. Хотя сделать это несложно: у нас про раскольников хоть какую дурь напиши – поверят. То они бандиты-разбойники, то дикари-сектанты...

С детства запечатлелось в моей памяти старинное раскольничье кладбище, могила бабушки. Выросли там громадные ели, а под ними – холмики, где-то крест стоял, а где-то подгнил и его положили на холмик. Вот и все. Староверы не устраивали пышных надгробий – никогда. Говорили так: «На том свете ты свой памятник на горбу таскать станёшь!» Да так уверенно говорили, будто видели. (Они, наши лапотные Нострадамусы, вообще массу пророчеств оставили.) Из земли пришедшие в землю ушли, вознеслись к небу громадными елями. И начини я их памятью спекулировать, так эти мои кержаки упертые, они же в гробах перевернутся и проклянут с того света!

Крестьянин-кержак видится мне, физику по образованию, естествоиспытателем, человеком, который находится в постоянном и напряженном диалоге с природой. Результаты этого диалога он познает на собственной шкуре! Способы хозяйствования, самоорганизация кержаков – вот что меня интересует.

Думаю, изучение истории кержаков поможет понять национальный русский характер. Вятская община, наша прародина, никогда не была под игом Орды, имела развитое самоуправление, зажиточное крестьянство. Падение Вятки, завоеванной московскими князьями в конце XV века, не изменило ее народ. Начался «исход» Вятки на юг и восток. Расплескался народ вятской общины по всему Поволжью, Уралу и Сибири. Таков был исторический процесс.

Люди выбрали для себя разные дороги. Вятские ушкуйники умчались в гребенские (гребенцовские) казаки. По Вятке и Волге – на Дон, там и возникло донское казачество, которое удивительным образом сочетало воинственность с хозяйственностью. Это о них и толстовские «Казаки», и шолоховский «Тихий Дон». У казаков и ныне эталоном настоящего мужчины считается отважный, гордый и свободный духом, независимый человек, который ощущает свою особость и превосходство над соседним населением. С гонором народ, это да. Что казаки, что кержаки.

Многие крестьяне пошли осваивать новые земли на восток, сохранив в упрямом кержачестве вятскую вольность.

Так что культура оханских кержаков имеет мощнейший исторический фундамент. Батюшкой их был Великий Новгород, матушкой – Вятка, а братьевьями – донские казаки. Разве можно от такой-то родни отворачиваться?!

Категорически и сразу отмету упреки в национализме. Вынуждена это сделать, поскольку есть любители спекулировать данной тематикой. Определенная элитарность, конечно, была в кержацком населении. Однако если посмотреть на фотографии, то на некоторых из них можно увидеть красивую кержачку с явно не славянским лицом! Если бы старообрядческая часть населения не ассимилировала некоторых (лучших!) представителей (чаще, конечно, представительниц) соседних народов, то она бы быстро выродилась.

Насколько актуальна эта книга, решать, конечно, читателям. Состояние здоровья сограждан и угроза вырождения заставляют задуматься, сколь необходим крестьянский слой между биосферой и социумом, сколь ценен крестьянский опыт. Они-то тут веками жили, без проблем размножались и на здоровье не жаловались. Вряд ли сейчас можно говорить о воссоздании культурного наследия кержаков. Хотя бы нам надо знать и помнить, что мы потомки крестьян-первопроходцев этих земель.

О носителях культуры и созидателях эта книга. Она основана на архивных материалах и беседах с потомками кержаков, которые рассказывали мне о своих предках. Книга состоит из трех частей.

Современному читателю, даже если у него в роду были староверы, многие исторические факты раскола неизвестны, а деревенские реалии абсолютно непонятны. Чтобы отчасти восполнить этот пробел, в первой части «Сроки, отведенные историей...» есть краткие сведения об истории кержачества, суждения, мнения и мои личные воспоминания о характере староверов, их образе жизни, питании. Надеюсь, что информация может быть полезной.

В «Семейном альбоме» можно увидеть на снимках лица людей, живших давно, или их потомков, ныне здравствующих. Фотографии поясняют небольшие рассказы об их судьбах. Все фото даны были мне из семейных архивов и публикуются впервые. Удивительные лица, потрясающие судьбы...

В завершающей части «Слезы лиственницы» представлены мои прозаические произведения. Ничего не выдумывая и не перелопачивая то, что кто-то где-то уже написал, я, внучка староверческого начетчика, обрисовывала в своих рассказах ситуацию в беспоповской деревне. Я старалась воспроизвести тот мелодичный и выразительный говор, который слышала в детстве. Например, ныне можно услышать жесткое пермское «чо», но не так говорили мои предки. Помню, тетя моя произносила очень мягко слово «цё». Чтобы хоть отчасти показать мелодику говора, остановилась на «золотой середине», выбрав написание «чё», хотя и предлагает В. Даль в своем «Словаре русского языка» писать слово так: «чо».

Эта книга не только моя. Свою огромную признательность хочется выразить всем, кто участвовал в ее создании. В первую очередь, кержацким потомкам, не забывшим, кто они есть. Вот имена этих людей:

Леонид Иосифович Пищальников
Евгений Акимович Туров
Татьяна Титовна Городилова
Нина Федотовна Хренова
Любовь Прокопьевна Мацова
Алексей Федорович Сальников
Даниил Никитич Юрков
Галина Николаевна Варганова
Михаил Леонидович Пищальников
Евгений Борисович Смирнов.

Мы соавторы с каждым из этих людей. Они замечательные! С огромным интересом, уважением все относились к моим расспросам и просьбам, понимая важность задачи — создать книгу о кержаках как бы изнутри. Их воспоминания и фотографии из семейного архива и послужили основой книги. Спасибо!

Работа над книгой «Кержаки» началась при деятельном участии Маргариты Вениаминовны Тарасовой, прекрасной художницы и удивительного человека. Светлая память о ней всегда со мной.

С благодарностью и печалью помяну своих родителей: Евдокию Григорьевну Овчинникову (Турову) и Ивана Василье-

вича Овчинникова. И литературный псевдоним мне не надо было выбирать: Евдокия Турова – так звали маму. Они уже не были крестьянами, но отец жил и умер с мечтой о своей земле. Мама была настоящей кержачкой по умениям и характеру, с огромной любовью к деревне, уважением к крестьянству, непоколебимой уверенностью в том, что наши предки были людьми высокой культуры. Светлой памяти отца и мамы, а также деда Григория Филипповича Турова, любимой тетушки Ксеньи Григорьевны Туровой посвящаю эту книгу.

Евдокия Турова

Сроки, отведенные историей

Великий раскол и кержаки

Кержаков называли раскольниками. «Раскол – отделение от Русской православной церкви части верующих, не признавших церковные реформы Никона 1653–1656 годов». Такое определение дает «Советский энциклопедический словарь» (М., 1985). Наиболее яркими фигурами этого времени являются патриарх Никон и протопоп Аввакум.

Патриарх Никон (1605–1681) – политический и церковный деятель, сыгравший центральную роль в реформах русского православия в эпоху царя Алексея Михайловича.

Выходец из семьи крестьянина-мордвина, Никита Минов (имя патриарха в миру) родился в селе Вельдеманово (ныне Перевозский район Нижегородской области). Уже 19-летним юношей он стал священником в соседнем селе. Женился, но после смерти своих троих детей окончательно ушел из мира, избрав путь монашеского служения. В 1635 году принял постриг в Соловецком монастыре, в крайне суровых и аскетичных условиях Анзерского скита. С 1643 года – игумен Кожеозерской обители.

Явившись с берегов Белого моря на представление царю (1646), Никон обратил на себя благосклонное внима-

ние Алексея Михайловича и был поставлен архимандритом московского Новоспасского монастыря. Став митрополитом Новгородским (1648), он решительно способствовал подавлению местного бунта в 1652 году. В том же году, после кончины патриарха Иосифа, был избран всероссийским святителем.

С весны 1653 года патриарх Никон приступил к реформам, своей жесткой решимостью и отсутствием дипломатического такта фактически спровоцировав начало церковного раскола.

Никон был личностью богато одаренной, человеком кипучей энергии. Однако до сих пор продолжаются споры о том, на что были израсходованы эти колоссальные усилия и каковы итоги патриаршества Никона. Одни (причем не обязательно старообрядцы) считают Никона повинным в возникновении раскола и едва ли не во всех последующих бедах России, вплоть до XX века. Другие считают патриарха-реформатора величайшей фигурой русской истории XVII века.

Перестройка обрядности и богослужения встретила большое сопротивление. На Руси, где грамотность и, тем более, книжная ученость были достижениями немногих, главным источником научения вере было богослужение. Церковная обрядность давно и прочно вошла в быт, организуя его и подчиняя. Определенные жесты и слова сопровождали человека с первых до последних дней жизни, сливаясь в сознании с его переживаниями и ощущениями. Замена одних симво-

лов, выражающих связь человека с высоким и священным, на другие никогда не бывает безболезненной. А в данном случае замена осуществлялась еще и весьма грубо.

В Русской церкви было принято древнее двуперстное крестное знамение: крестились двумя пальцами правой руки, что должно было напоминать верующему о двойственной природе Христа – божественной и человеческой. Крестное знамение для православного верующего – это больше, чем просто напоминание о крестном подвиге Христа. Это еще и знак сопричастности спасению, знак победы над злом, выражение Божьего присутствия в человеческой жизни, желания человека подчинить свою волю воле Создателя и, таким образом, божественному плану спасения мира. Поэтому даже простое изменение формы крестного знамения уже глубоко затрагивало чувства верующих. Тем более что речь шла о людях, для которых привычный обряд давно стал естественным выражением серьезных религиозных переживаний. При Никоне начали вводить «трехперстие». В восточных православных церквях к XVII веку повсеместно было принято трехперстное сложение при крестном знамении, почти такое же древнее, как и двуперстное.

Соединение трех первых пальцев означает единство Бога в трех лицах, или святую Троицу, а прижатые к ладони остальные два пальца – две природы Христа. Новая символика могла бы привиться менее болезненно, если бы не самоуверенность властей, не желавших принять во внимание

человеческие чувства: блеск православного царства затмевал живых православных людей, которые становились лишь орудиями осуществления этого идеала. Обрядовым расхождением был придан принципиальный характер как различиям в вере.

Никон всячески стремился к усилению внешнего величия и внутренней государственно-экономической значимости Русской церкви как законной преемницы византийской святости. Упорно проводя идею о том, что «священство выше царства», он вживался в титул «великого государя» (во время польско-литовских походов 1654–1656 годов). Не желая делиться властью (а по сути – уступить ее патриарху), царь в итоге резко разошелся со своим бывшим любимцем. Собор 1667–1668 годов, подтвердив Никоновские реформы, в то же время снял с их инициатора патриарший сан, причем главным обвинителем на соборе выступил сам царь.

Никона сослали под надзор в Ферапонтов монастырь. Лишь в 1681 году царь Федор Алексеевич разрешил ему вернуться, попутно начались переговоры и о возможности его восстановления в прежнем святейшем достоинстве. Но по пути в Москву 17 (27) июля 1681 года Никон скончался в Ярославле и был погребен в Новом Иерусалиме по патриаршему чину.

Однако дело Никона было продолжено.

Притеснения сторонников «старой веры» с особой силой развернулись во время правления Петра I, который провоз-

гласил себя врагом раскола. Старообрядцев при Петре преследовали жесточайше, и очень большая часть трудолюбивого, искренне верующего населения была на 300 лет поставлена вне закона.

Яростным противником реформ Никона был протопоп Аввакум, идеолог и один из вождей старообрядчества.

Аввакум Петрович (1620 или 1621–1682) родился в семье священника. Он рано потерял отца и воспитывался богомольной матерью. В 23 года он стал священником в селе Лопатицы Нижегородского уезда. Аввакум обладал могучим даром проповедника, но, ревностно исправляя нравы прихожан, вызвал всеобщее недовольство. Он непрестанно спорил с начальством, был не раз бит, преследуем и изгнан вместе с женой и малолетним сыном. Ища защиты, Аввакум отправился в Москву, где царский духовник Иван Неронов представил его царю. Получив в Москве поддержку, Аввакум вернулся в село, в разоренный дом, но был изгнан вторично. В 1652 году он поступил священником в Казанский собор Москвы. Когда патриарх Никон стал проводить церковную реформу, Аввакум выступил против с «огнеопальной ревностью»: «До нас положено – лежи оно так во веки веков!» За это Аввакум был заключен в монастырь, а затем сослан с семьей в Тобольск, оттуда – в Даурию (Забайкалье), где Аввакум очень бедствовал и у него умерли двое сыновей. В 1663 году царь вызвал Аввакума в Москву, надеясь привлечь на свою сторону популярного противника. После

падения Никона протопопа встретили, «яко ангела Божия». Ему сулили должность царского духовника и деньги, но Аввакум не поступился своей верой ради «сладости века сего и телесныя радости».

Убедившись в неуступчивости Аввакума, царь сослал его в Мезень. В 1666 году на церковном соборе мятежного протопопа лишили сана и проклинали. В ответ Аввакум возгласил анафему архиереям. В 1667 году он был отправлен в заточение в Пустозерск, в «место тундрявое, студеное и безлесное». Аввакум прожил 15 лет в срубе, в земляной тюрьме, где и написал около 70 произведений. Лишенный возможности учить и обличать, Аввакум обратился к литературе как единственно доступному способу борьбы. Движение раскола приобрело характер антифеодального протеста и имело много последователей. К ним и обращался Аввакум своими сочинениями. Он автор «Жития» – первого в русской литературе опыта автобиографии, где живым разговорным языком описаны его судьба и Русь XVII века. Этот шедевр не раз переводился на европейские и восточные языки. «За великия на царский дом хулы» Аввакум был сожжен в срубе.¹

Очень часто русский раскол представляется явлением внутрицерковным, затрагивающим верхушку тогдашнего общества. Однако эта тематика (раскол и старообрядчество), то уходя в тень, то снова появляясь на общественной арене,

¹ Шикман А. П. Деятели отечественной истории / Биографический справочник. – М., 1997.

демонстрирует как уровень недосказанности, недоизученности, так и то, что прикосновение к ней затрагивает нечто существенное, очень важное в русской истории.

По смыслу раскол предполагает наличие некоего целого, которое в силу исторических причин разделилось (раскололось) на части. Возникает вопрос: а было ли оно, это единое целое? Была ли когда-нибудь, до раскола, православная церковь единой, была ли единой страна? Страна, только что собранная на «живую нитку» завоевательными походами московских князей? Страна, только что пережившая польское нашествие, Смутное время, становление новой династии? Был ли единым народ, что он собой представлял?

Явление старообрядчества Ф. М. Достоевский считал глубоко знаменательным для русской национальной жизни. В статье «Два лагеря русских теоретиков» (1862) он, пытаясь разобраться в том, «что произвело русский раскол», упрекает славянофилов, которые «не могут с сочувствием отнестись» к последователям Аввакума, и опровергает точку зрения на раскол западников: «Ни славянофилы, ни западники не могут, как должно, оценить такого крупного явления в нашей исторической жизни. Они не поняли в этом страстном отрицании страстных стремлений к истине, глубокого недовольства действительностью».

Церковный раскол и упорство старообрядцев в отстаивании своих убеждений, принимаемые западниками за проявление «дури и невежества», Ф. М. Достоевский оценивает

как «самое крупное явление в русской жизни и самый лучший залог надежд на лучшее будущее».

На страницах «Времени» печаталось и исследование о бегунах А. П. Щапова «Земство и раскол», в котором противодействие старообрядцев рассматривается как «месть за угнетение и жажда воли». «В бегунах, – писал Щапов, – преимущественно выразилось отрицание ревизской, военно-служилой и податной прикрепленности душ, личностей к империи и великорусской церкви и порабощенности их властям и учреждениям той и другой».

Наиболее точно, на мой взгляд, исток раскола указал П. И. Мельников-Печерский в «Письмах о расколе» в 1862 году:

«...Не будучи в силах бороться, русский народ противопоставлял железной воле реформатора страшную силу – силу отрицания. Петр постигал, что за мощная, что за непреодолимая эта сила, единственная сила, которую выработал русский народ под гнетом московской централизации, воеводских притеснений и крепостной зависимости, сила, заменившая в нашем народе энергию, заснувшую с тех пор, как сняты были вечевые колокола и вольное слово самоуправления замолкло перед лицом Москвы».

Так что раскол в широком, не только внутрицерковном, смысле берет свое начало от московских завоеваний, с XV века. Именно там, где веками звучал вечевой колокол, грозно загремел набат раскола...

Старообрядцы, происходившие из Вятки – Новгорода,

были едва ли не самой «продвинутой» частью русских людей. Широко распространенная грамотность, неведение ужасов татарского ига, сохранность накопленных за многие годы культурных ценностей, в том числе ценнейших книг, устойчивые традиции народно-вечевого самоуправления – все это поднимало самосознание этой части русских людей. Не стоит поэтому удивляться их высокому чувству собственного достоинства, развитой потребности в духовной свободе.

Несомненна искренняя забота старообрядцев о чистоте нравов, о здоровой нравственной атмосфере. Тогда как государственная власть не могла и даже не пыталась заниматься воспитанием народа, а официальная церковь зачастую компрометировала себя недостойным поведением.

В обвинении староверов видится недовольство властей тем, что в низах общества распространяются грамотность, книжное знание, образованность. Эти изменения означали способность людей самостоятельно судить о сущем и должном, свободно выносить критические оценки, делать неллицеприятные выводы, предлагать свои рецепты организации и устройства духовной и практической жизни, не совпадающие с интересами власть имущих.

Противостояние староверов с официальной церковью никогда не имело агрессивного характера. Они не были разрушителями ни в одном из проявлений своей религиозно-гражданской активности. Может быть, именно поэтому, несмотря на мощное государственное давление, «низовой»

религиозной войны нигде в России не было. В глубине души «старую веру» и ее сторонников уважали, признавали их влияние, причем во всех слоях населения.

Так что наши предки никакие не раскольники. Они просто были такими, какими были. И не позволили тяжелейшим историческим обстоятельствам изменить себя.

Кержацкий характер.

Мнения и суждения

Слово «кержаки» имеет в литературе устойчивое определение: выходцы с речки Керженец в Нижегородской губернии. Однако именно там староверов издавна называли калугурами.

На Урале оханские староверы всегда называли себя кержаками, хотя имели вятское происхождение. Некоторые этнографы утверждают, что выходцы из Пермской и Вятской губерний считали себя кержаками.

Порой нелестны многочисленные суждения о кержаках, об устройстве их жизни и особом характере. Своеобразие поведения кержаков нередко просто высмеивали: «Вот какие эти кержаки смешные были! Не пускали к себе никого, только из своей посуды ели, чудаки!» Так ведь некому пускать-то было! Те, кто пускал, вымерли давно от вши тифозной, или сифилиса, или холеры. Центр России эти напасти периодически просто опустошали, а здесь, на Урале, Бог милывал. А все потому, что кержаки самостоятельно, задолго до европейской науки, разработали детальный гигиенический комплекс жизни, ввели строжайшую чистоплотность, уходя при необходимости в карантин. Тем они и спасались. И не только сами. Хорошо известно, что, узнав о надвигающейся чуме, московская знать отводила своих детей в семьи старо-

веров. Для спасения. «Вера старая, крепкая, оборонит», — так думали и те, и эти.

Мы-то, теперешние, оснащенные научными знаниями, можем поглубже осмыслить? «Бесы ищут по ночам немую посуду нерадивых хозяек (кержаки про таких хозяек покрепче выражались: засранки, да и все!). И тамока имя, бесовьям-те, полное раздольё! Уж они тамока и купаются, и свадьбы играют, и бесят родят. И как ты станёшь из той посуды исть, оне, бесовья-те, в рот заскочат и загубят». И если заменить слово «бесы» словом «микробы», что получится? Современное научное наставление по санитарии и гигиене. И представьте только: это суждение было создано не позже XVI века, пять столетий назад! Это что, «дичь и темнота»? Или это и есть культура?

Старообрядческое сообщество было предельно закрытым, к чужим относилось недружелюбно. По этой причине суждения о них были, например, такими: «Это был сильно развитой народ, хитрые мужики, чрезвычайные начетчики и буквоеды, народ надменный, заносчивый, лукавый и нетерпимый в высшей степени». Так Ф. М. Достоевский писал о сибирских старообрядцах. Суждение, думается, искреннее. Кержаки те еще люди были, если говорить о характере.

Кержака упертого, его, и верно, не нагнешь. Ему что? Он вон в чисто поле выйдет, лаптем землю поковыряет, в затылке почешет да и возьмет от этой землицы все: и пропитание, и одёжу, и дом поставит, и мельницу изладит. Лет через пять

вместо голого места – полное хозяйство и в ребятах прибыток. Что ему, мужику, графья-дворяне, которые не уважают его? А он от Ильмень-озера до Оби всю землю прошел и обжил. Всех накормил и одел-обул. Он себя уважает, хотя и слабо знает свой исторический путь. Мужик свою значимость чувствует.

Российское общество этой значимости не чувствовало никогда. Отношение к кержакам было завистливо-неприязненным, описание их быта высасывали из пальца, поскольку внутри никто из описателей не бывал. И чего-чего только не напридумано, какого бреда не нагорожено! И в семьях террор, и в религиозной жизни истязательства! Староверы, мол, упорно цеплялись за уже отжившие традиции! Интересно, где это в России бытовали, но отжили традиции чистоплотности, трезвости и общей целесообразности жизни? А если были, то почему же их считать отжившими? Чего ж за них не цепляться?

Чтобы не одичать, культурные навыки нужно не выкидывать, как хлам, а накапливать, передавать от семьи к семье, от поколения к поколению. Понимать и ценить их нужно! Ведь, как ни суди, на нашей суровой земле до староверов никто успешно не крестьянствовал; а их с корнем повыдирали – земля вновь дикой делается...

Самое главное, что никогда не понимали и не ценили, – стремление и способность кержаков жить в согласии. Рассыпанная по всей России диаспора староверов была самоуправ-

ляющим, самодостаточным сообществом, которое выживало в любых (в любых!) природных и социальных условиях. Если была возможность, староверы работали на заводах, занимались ремесленничеством и торговлей. Если таких условий не было – уходили в изоляцию, на полное самообеспечение.

Старообрядчество имело крепкие семейные устои, поддерживаемые и укрепляемые всей сутью жизни крестьянина. В семье, где иногда насчитывалось по 18–20 человек, также все строилось по принципу старшинства. Во главе большой семьи стоял старейший мужчина – большак. Ему помогала хозяйка – большуха. Авторитет матери – большухи – был непререкаем. Дети и невестки называли ее ласково и почтительно: «маменька». В семье сложились и поговорки: жена для совета, теща для приветов, а нет милей родной мамоньки; материнская ладонь высоко поднимается, да не больно бьет; материнская молитва со дна моря достанет.

Авторитет главы семейства? Да, был, но не авторитарным было это сообщество. Держалось оно не на страхе, а на совести членов семьи, на уважении к нему, большаку. Такое уважение заслуживалось только личным примером, трудолюбием и добротой. И опять вопрос: отжившее это или это недостижимое?

А отношение к детям? Счастлив был тот ребенок, который родился в кержацкой семье или хотя бы смог ощутить тепло рук деда и бабки. Ведь дом с детьми – базар, без детей –

могила, а один и у каши сирота.

Воспитанием детей занимались все, вся община. Но так как в любой семье почитание и уважение старших было нормой для всех, то и прислушивались всегда к слову и мнению старшего по возрасту или положению в общине: разумное родится только от разумного.

В семьях иногда жили вместе по три поколения. «Старик в нормальной семье не чувствовал себя обузой, не страдал от скуки. Всегда у него имелось дело. Он нужен был каждому по отдельности и всем вместе». Исстари сложилось: старый ворон мимо не каркнет, а прожитое, что пролитое, – не воротишь.

В старообрядческих семьях воспитывалось особенно почитательное, можно сказать святое, отношение к труду. В большой крестьянской семье трудились (робили) все, от мала до велика, и не потому, что кто-то заставлял, а потому, что от рождения каждый день видели пример в жизни. Трудолюбие не навязывалось – его как бы впитывали. На работу благословение просили! Младшие члены семьи обращались к старшим: благослови, тятя, на работу.

«Нравственная суровая простота деревенского быта, – писали современники, – была чиста и выражалась заповедью неустанного физического труда, молитвой Богу и воздержанностью от всяких излишеств». Подражание старшим считалось хорошим тоном, и девочки возле матери, старших сестер или невесток, а мальчики с отцом и братьями в неустан-

ных заботах о семье приобретали знания и умения, так необходимые в будущей самостоятельной жизни. Дети принимали участие во всех работах: мальчики с пяти-шести лет выезжали на пашню, боронили, возили снопы, а уже в восемь лет им доверяли пасти скот и выезжать в ночное. Девочек с этого же возраста обучали ткачеству, шитью, рукоделию и, конечно же, умению вести дом: все должно быть трудовое, а не трудовое – грех.

Ребенок усваивал трудовые навыки и на посиделках. Слово «посиделки» означало не просто сидеть, просиживать место. На посиделках обсуждали, как прошел день или год, решали проблемы, заключали выгодную сделку, сватали невесту, пели, плясали и многое, многое другое. А чтобы руки не были в праздности, обязательно делали какую-нибудь работу. Женщины вышивали, шили, а мужчины мастерили нехитрую домашнюю утварь, упряжь и т. д. И все это в глазах детей приобретало элемент нерасторжимости, необходимости – так делали и жили все. А как же иначе?

В старообрядческих семьях лень была не в почете. О ленивом человеке говорили: «На работушку у него волосок не страхнись, а с работушки головушка не оторвись; сойдутся сонливый да ленивый, так быть ли им богатыми? Не та ленива ленивица, что баню не топит, а та ленива ленивица, которая в готовую не ходит».

Подлинное основание жизни человека – труд. Безосновательна жизнь человека, который развлекается. Низменна

жизнь человека, который ворует. Запечатление трудового действия происходит с младенчества и активно усваивается в 10–14 лет.

Характерной чертой семейных традиций староверов было серьезное отношение к браку. В основе норм поведения молодежи – крестьянский взгляд на семью как на важнейшее условие жизни. Встречи молодых людей находились под постоянным контролем старших, зависели от общественного мнения села и традиций различных семей. Причем очень строго следили за тем, чтобы не было браков «по родне», то есть между родственниками. Еще в девичестве девушкам внушали, что чужая шуба не одёжа, чужой муж не надёжа. А парню наказывали так: «Женись, чтоб не каяться, любить да не маяться; женился на скорую руку да на скорую муку».

Четкие нормы поведения создавали основу самодисциплины и исключали вседозволенность. Общим было требование соблюдения чести, порядочности, скромности. Это находило отражение в сложившихся представлениях о хорошей невесте и о хорошем женихе.

Сватовству и созданию брачных союзов посвящено множество шедевров русского устного народного творчества: поверья, бывальщина и, конечно же, пословицы и поговорки. Общественное мнение осуждало неуживчивость и сварливость характера, эти качества считались «наказанием Божиим». Про злую жену говорили: «Лучше хлеб есть с водой, чем жить со злой женой; назло мужу сяду в лужу; железо-то

уваришь, а злую жену не уговоришь». А жениху внушали: «Жена мужу не прислуга, а подруга; за хорошей головой жена молодеет, а за плохой как земля чернеет».

Семьи старались жить так, чтобы не причинять горя и неприятностей один другому. Не принято было заводить ссоры, обманывать кого-то, подшучивать или насмехаться над кем-либо.

Конечно, крестьянская среда была и не без уродов. Но принятая система устройства семьи уверенно сохраняла устойчивость, так как на нарушителей находили управу. Если в какой-то семье не было мира, если муж бил жену, то заступаться никто не бегал. Уж тут так: твоя семья, твои порядки. Но вот подрастут сыновья и дочери – и тогда сам не сможешь к своим дочерям сватов дожидаться, и твое сватовство никто не примет. Парень к вдове какой уйдет, да и то в другую деревню. Или в дом возьмут девку из погорелой семьи, которой деться некуда. А своим девкам или вековать, или за вдовцов соглашаться идти. И дурная слава семьи годами тянется за каждым, совсем невиноватым. Семья, где не смогли наладить мир, постепенно рассыпалась, исчезала. Раздор в семье осуждали, боялись пуще огня.

Одной из особенностей характера большинства старообрядцев является трепетное отношение к данному слову и к правде. Молодым наказывали: «Не разжигай, туши, пока не разгорелось; будешь лукавить, так чёрт задавит; иди в овин да шути там один; обещаха не дахе – родная сестра; клевета,

что уголь: не обожжет, так замарают; ты на правде стоишь, трудно тебе, да стой, не вертись».

Спеть похабную частушку, произнести скверное слово — это значило опозорить себя и свою семью, так как община осуждала за это не только того человека, но и всех его родных. Про него брезгливо говорили: «С этими же устами да за стол сядет».

В старообрядческой среде считалось крайне неприличным, неловким не поздороваться даже с малознакомым человеком. Поздоровавшись, надо было приостановиться, даже если очень занят, и непременно побеседовать. И рассказывают: «Был грех и у меня. Молода была, но замужем уже. Шла мимо тяти и просто сказала, мол, здорово живешь, и не поговорила с ним. Так он меня пристыдил, что спросить бы хоть надо было: как, мол, ты, тятя, живешь?»

Пьянство очень осуждали, говорили: «Мне еще деданька наказывал, что хмеля-то нисколько не надо. Хмель-то, мол, держится тридцать годков. А ну как умрешь пьяный? Уж не видать потом светлого места».

Курение также осуждалось и почиталось за грех. Человека курящего не допускали к святой иконе и старались как можно меньше с ним общаться. Про таких людей говорили: «Кто курит табак, тот хуже собак».

И еще несколько правил существовало в семьях староверов. Обязательно должны быть переданы по наследству, в основном своим детям, молитвы, заговоры и другие знания.

Нельзя передавать знания людям, старшим по возрасту. Молитвы нужно обязательно заучивать наизусть. Нельзя рассказывать молитвы посторонним, так как они от этого теряют силу.

Для меня очень важно то, что, по убеждению староверов, молитвы, заговоры, все накопленные знания обязательно должны быть переданы по наследству детям. С этим чувством я и писала книгу.

Пермская изба – вятская – новгородская

В 2005 году Новгородский информационно-аналитический центр сообщил: «... Уникальная находка под Великим Новгородом: деревенская изба, построенная в позапрошлом веке. Краеоведам пришлось выкупить ее у наследников хозяина. На демонтаж старинного дома в деревне Вотроса работники Новгородского музея деревянного зодчества отводили неделю. Провозиться пришлось в два раза дольше – уж больно ладно построена северная изба. Уникальный состав Новгородской земли сохранил миру знаменитые берестяные грамоты. А традиционное для этих мест бездорожье сохраняет архитектурные древности. Только в такой деревне, куда цивилизация явно припозднилась, могла в нетронутом виде остаться традиционная изба-двойня: два сруба – летний и зимний – под одной крышей... Скрупулезно обмеренные и помеченные бревна сруба погрузят на лесовозы. После реставрации дом из деревни Вотроса станет украшением Новгородского музея. Ему уже приготовлено место на этой древнерусской улице...

А. Н. Радищев отметил, проезжая в 1790 году мимо оханских деревень Пермской губернии: «Строение такое: две избы, между ними – сени. Избы по крестьянскому состоянию очень хорошие». Изба на две половины вплоть до коллекти-

визации была наиболее типовым видом крестьянского жилища в Пермском крае. Это уникальное жилище, давшее жизнь неисчислимой народной массе, появилось на Новгородской земле. С запада на восток был направлен вектор движения, переносившего крестьянскую культуру, сердцевиной которой был дом. Ареал распространения избы поражает воображение. От новгородского Ильмень-озера до Камы прошагала эта изба за многовековую историю крестьянских миграций.

Новгородская изба в Оханском уезде

Такое жилище трудно даже назвать избой – это усадьба. Она включала в себя собственно избу, двор и ряд хозяйственных построек. Изба состояла из зимней и летней половин, разделяемых сенями. В рубленых (теплых) сенях были кладовые, а также ход на чердак, там хранились необходимые в хозяйстве вещи.

На улицу всегда выходила зимняя (отапливаемая) половина избы. Летняя половина просторнее, чем зимняя. Мастерство плотников было очень высоким: внутри избы в границу между стесанными бревнами невозможно было и лезвие ножа просунуть. Пол, потолок и стены женщины регулярно мыли и драили голиками и дресвой, мелко истолченным камнем.

Такая изба мгновенно создавала ощущение надежности, незыблемости устройства жизни. И все мастер изладил, нигде-то он промашки не дал. Все подогнано, сделано раз и навсегда.

Постройки параллельного избе ряда имели хозяйственное значение. В зависимости от состоятельности хозяев это были сараи для скота, дров, сена, мастерские и кладовые. На улицу выходили также ворота и калитка. С тыльной стороны усадьбы имелись площадки, где обрабатывали зерно (сушили, молотили, провеивали), здесь был еще въезд. Двор усадьбы в зависимости от сезона то вытаптывался до земли, то вновь зарастал травой.

... На таком дворе в усадьбе моего деда Григория Филипповича Турова я когда-то сделала свои первые шаги по ласковой травке-муравке...

Всему голова

Основой крестьянского хозяйствования было выращивание ржи, основой питания – ржаной хлеб. Вроде всегда она была, рожь-то? В том-то и дело, что не всегда. Рожь, плебейка по происхождению, длительное время считалась сорной примесью пшеницы. Она выживала в самые неблагоприятные годы, когда основной посев погибал. И черный ржаной хлеб считался хлебом неурожая. В древнерусских государствах рожь сеяли только на холодных новгородских землях, где пшеница зачастую просто не вызревала.

Новгород, всегда обращавший невзгоды природы себе на благо, отличился и тут. Именно на возделывании ржи вырос великий северный новгородский крестьянин, раньше других освоивший так называемую паровую систему земледелия и озимые культуры.

Рожь, высеваемая в середине августа, подымается при осенних дождях и кидает свои корни на глубину до 1 метра. Ей уже никакие сорняки нипочем. Рожь справляется даже с таким злодеем полей и огородов, как пырей. Единственный сорняк, который кое-как гнездится на обочине ржаного поля, это василек. Наверное, если бы хотели наши предки извести на поле васильки, то что-нибудь придумали бы и обязательно извели. Но уж так хороши ржаные поля в уборе синего цвета, что издавна прощали васильку его «сорнячество»

и злодеем не считали. А может, в васильке была некая польза, неизвестная нами теперь?

Рожь является идеальной культурой для посева на вновь возделываемых землях. Современные агрономы говорят, что рожь улучшает, окультуривает поля. После ржи хорошо растут овощи. Уже давным-давно наши предки этим пользовались, сея после убранной ржи репу, основную овощную культуру тех времен. Репой питались сами, ею кормили скот. В союзе с рожью репа не занимает дополнительной площади, вырастает как бы между делом.

Рожь способна расти даже на самых бедных и, что очень важно, закисленных почвах, и очень резко увеличивается ее урожай при внесении в почву навоза. Значит, хочешь иметь хороший урожай – держи скот.

Рожь дает богатый урожай, если посеяна именно тогда, когда нужно. Не раньше и не позже. Умирать готовься, а рожь сей – так мужики говорили.

Ум и сноровка нужны, чтобы собрать все зерно, до единого зернышка. Поскольку спелая рожь быстро осыпается, жнут ее в состоянии восковой, то есть неполной, спелости. Если сжать раньше, чем нужно, урожай будет ниже, зерно получится тощее, всхожесть его хуже. Если запоздать – зерно осыплется.

Крепостного крестьянина отвлекали на господскую работу, и свое поле он обрабатывал урывками, поэтому никогда не мог получить хороший урожай ржи. Убогим и тощим ста-

новилося его поле. Что уж говорить про советского колхозника, вынужденного сев и уборку начинать по команде из райкома партии! Рожь — она для свободного крестьянина. Получать высокий урожай ржи мог только работающий, мастеровитый, экономически свободный мужик. Многие секреты возделывания ржи так и остались утраченными. Например, в современных условиях никто не пытается так собрать рожь, чтобы можно было сеять нынешними семенами, — не умеют! Не дает всхожести ржица крестьянская, да и все тут. Приходится засеивать прошлогодними семенами, деньги тратить на хранение семян. Вот уж поистине: что имеем, не храним — потерявши, плачем.

Вкус ржаного хлеба многим кажется грубоватым, он труднее переваривается. Но! В зернах ржи содержится 11–12 процентов белка, 67–69 процентов углеводов, до 2 процентов жира, около 3 процентов клетчатки, а также ферменты, витамины В₁, В₂, Е, РР, каротиноиды. В ржаной муке имеются линолевая и другие жирные кислоты, необходимые для сердечной деятельности человека. Не многие продукты вызывают у человека столь стойкое привыкание, как ржаной хлеб.

Получить качественный и вкусный ржаной хлеб очень непросто. Выпечь ржаной хлеб гораздо тяжелее, чем пшеничный. Клейковина зерна ржи менее прочная, по сравнению с пшеничной. С квашней хозяйка обращалась, как с живым существом, спокойно и ласково. Пока хлеб выпекался,

нельзя было ни кричать, ни стучать, ни грубо разговаривать.

Крестьянский хлеб пекли из муки с крестьянской мельницы-зернотерки, при помоле сохранявшей в муке исходные биологические структуры зерна. Поэтому рискну предположить, что в ржаной квашне, видимо, частично происходили те же биохимические процессы, что и в прорастающем зерне ржи. К тому же использовались при выпечке хлеба не дрожжи, а специальные закваски, культура которых во многом утрачена.

Правда, сейчас сухие закваски для хлебопечения уже появляются в продаже, но пока не в Перми. Их, судя по сообщениям в Интернете, покупают русские эмигранты в США, Австралии и Новой Зеландии.

Ржаной хлеб ныне производят, даже разрабатывают новые его сорта и рецептуры. Так, хлебопеки Самары сообщают о 200 видах ржаных изделий. В Перми их делают всего четыре-пять, да и тесто выстаивают на дрожжах, а не на закваске, но все же хоть что-то есть.

Кержацкие квас и брага, уникальные крестьянские продукты из ржаной рощи, ныне полностью исчезли из жизни. Всю технологию их получения я помню прекрасно: моя мама умела делать эти напитки. Для изготовления основного крестьянского напитка – кваса – использовалась роща, которая употреблялась и в пищу, особенно детьми. Роща – это слой пророщенной в темноте ржи, образованный переплетенными ее корнями и ростками.

С проращиванием зерна тоже, конечно, не все просто. Казалось бы, рожь – культура озимая: урожай собрали, и можно проращивать. Вот пшеницу сразу после уборки прорастить невозможно, для этого требуется яровизация, то есть обработка холодом. Она ж весной всходить должна, пшеница-то, а не осенью! Рожь в этом смысле просто вне конкуренции. Но чтобы всхожесть была не через зерно, а полная, требовалось парить рожь, то есть выдерживать на солнце несколько дней, а если погода не позволяла, прогреть его на печи. И только потом зерно размачивали и проращивали.

Для этого служили специальные большие плоские ящики – растильницы. Размоченное зерно насыпали слоем 4–5 сантиметров, накрывали чистым полотном, затем половиком и ставили в затемненное место. У нас дома – в чулан или под кровать. Через несколько дней получался слой дернины из корней и проростков, который растеребляли и сушили на горячей печи. Часть рощи запаривали (солодили) в корчаге в печи и тоже сушили. После размола высушенной рощи получалось так называемое брашно, из которого делали квас.

Добавив мед и хмель, из того же сырья (чем больше солода, тем лучше) изготавливали и брагу. При длительной выдержке в крепко закрытой корчаге, бочонке или фляге можно было получить напиток крепостью в 5–7, а то и 9–10 градусов.

Важно то, что прорастающее зерно, его ростки и корни обогащены биологически активными веществами. Сове-

менной наукой они настоятельно рекомендуются для детского питания, а также для восстановительных диет. А биологически активное вещество – это что-то вроде команды для организма: расти, развивайся! Человек ведь существо информационное, и тут подсчетом белков-жиров-углеводов не обойдешься. При изготовлении кваса не происходит сильного нагрева, вся биологическая ценность рощи сохраняется полностью. Кроме того, при брожении дополнительно образуется витамин Е, влияющий на сексуальную функцию организма.

Патент на квас из ржаной рощи исторически принадлежит нашим предкам.

Это были вкусные, сытные и очень полезные напитки каждого дня, жидкий хлеб. Стоит задуматься: напиток из пророщенного зерна – каждый день веками!

Очень вкусны и квасок, и бражка, но сейчас их даже в деревне не найти, извели полностью. Почему? Очевидно, все дело в том, что пророщенная в темноте рожь (роща) до сих пор непревзойденное сырье для самогона.

Госмонополия на водку в России то крепла, то ослабевала. Оставим в стороне мрачные, как раньше говорили, годы царизма. Тогда победа осталась за кержаками. Советская власть, уничтожив традиционную крестьянскую культуру, извела и брагу. Бабушек, которые умели ее ставить, честили самогонщицами и фляги ядреной медовухи выливали прямо в пыль деревенских улиц.

Да и мельниц по деревням не стало, так как мельников раскулачили, а пруды спустили. Размолоть рощу стало негде. Брагу уничтожили, в деревню пришла казенная водка, деревня начала наконец, как вся Россия, платить водочный налог.

А квас ныне делают из сухариков. Это название одно, а не квас. В целом отношение к этому напитку невежественное и высокомерное. (Даже патриотизм провинциальный в насмешку называют «квасным».) А мне кажется, что утрата ржаного кваса и браги в рационе питания современного человека невосполнима и совершенно недопустима.

Пернатая корова, или Курица не птица

За годы советской власти резко изменился мясной стол пермяков. В основном мы едим сейчас свинину, говядину и курятину, тогда как издавна основными поставщиками мяса для крестьянства были овца и гусь.

«Ну, ты и гусь лапчатый!» Так говорят о человеке нехорошем, подлом. Сравнений с разными животными в русском языке много. Кто-то грязен, как свинья. Кто-то пашет, как конь. Кто-то поет, как соловей, а иной глуп, ну просто как баран. Только вот за что гуся таким сравнением обидели? Ума не приложу. Полезнее этой двуногой скотинки просто трудно что-то сыскать.

Гусь отличается от всех тех, кто населяет сельское уральское подворье. Он единственный – абориген. Тысячи лет гуси прилетали гнездиться в верховья Камы, в нынешней Удмуртии. Там много мелких речушек, заросших стариц, там гусю полное раздолье и есть обильный корм. Во всех местах, где гусь гнезвился, его одомашнивали, оценив выгоду иметь такое домашнее животное. Гусь, в отличие от курицы, птица местная, не боящаяся ни дождя, ни ветра. Кроме того, гусь – птица не зерноядная, как курица, а травоядная. Он настоящая пернатая корова. С ранней весны до снега гусь не нуждается ни в корме, ни в укрытии.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.